

Альбин Гловацки
(Лодзь)

СЛОЖНЫЕ ПУТИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Политика советского правительства по отношению к польскому государству и его гражданам (накануне начала и во время второй мировой войны) по сегодняшний день является предметом широкого общественного интереса. В последнее время радикальная перемена политической обстановки в Польше и Советском Союзе содействовала переходу к новому качеству в дискуссиях на эту тему. Благодаря этим изменениям были обнаружены новые исторические факты и были сформулированы специалистами новые оценки. История польско-советских отношений, а точнее, белые пятна в этих отношениях стали с 1987 г. предметом исследований и согласований совместной комиссии партийных историков обеих стран. Тем самым, официально и публично началось устраняться из наших взаимоотношений всё то, что вредило дружбе и самому глубокому сближению польского народа и народов Советского Союза¹.

Особенно большие надежды связаны с выяснением сложных, часто трагических событий в польско-советских отношениях периода второй мировой войны. Представители Советского Союза участвовали тогда почти во всех важнейших событиях, которые обусловили определённый ход относящихся к Польше событий на международной арене. В августе и сентябре 1939 г. они заключили договоры с Германией, которые собственно предreshали исход германско-польского вооружённого конфликта, начинавшего вторую мировую войну, и вычёркивали Польшу с карты Европы.

В 1941 г. в совсем другой политической и военной обстановке советские дипломаты привели к нормализации польско-советских

---

¹ *Geneza i początek II wojny światowej*, „Trybuna Ludu” 1989, nr 121, c. 5.

отношений. Однако, такое положение не продолжалось долго, так как через два года – в связи с катынским вопросом, снова наступил их разрыв. Именно тогда приобрели официальное влияние польские коммунисты в СССР. Их сотрудничество с советским правительством дало, между прочим, следующие результаты: сформировалась Польская Армия в СССР, а потом Польский комитет национального освобождения, который взял в свои руки власть в послевоенной Польше.

Формальным подтверждением новой атмосферы в польско-советских отношениях стало заключение в 1945 г. союзнического договора. Каждое из перечисленных событий имело отчётливое политическое звучание и серьёзные последствия для дальнейшего развития польско-советских отношений.

Ища причины тех или других событий и формулируя оценки, следует замечать интересы как одной, так и другой стороны. При таком подходе к фактам оказывается, что советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., а особенно его тайный протокол о распределении зон влияния, иначе оценивался в Польше, а иначе в Советском Союзе, где ещё совсем недавно вообще не признавали его существования². Это было, вероятно, связано с тем, что представлял он собой отрицание кардинальных принципов советской внешней политики: гласности предпринимаемых действий, отказа от тайной дипломатии, мирного сосуществования стран с разными государственными системами, но и с тем, что этот документ относился не только к Польше, но и к Литве, Латвии, Эстонии и Бессарабии, которые в 1940 г. вошли в состав СССР.

Для советских деятелей и историков решающим остаётся аргумент, что из-за неудач попыток создать эффективную систему коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке, опасаясь войны на два фронта и руководствуясь интересом государства, Советский Союз не мог сделать ничего другого как подписать договор с Германией³. Польская сторона, в свою очередь, напоминает, что в мирном договоре

² Упорно делал это, между прочим, Андрей Громько – опора советской дипломатии за последнее полвека, *Konstruktor zagranicznej polityki zwiernia się*, „Odgłosy” 1989, nr 25, с. 5; смотри также: Ф. Ковалёв, О. Ржешевский, *Так начиналась война. Уроки истории*, „Правда” 1988, № 245, с. 4. Только лишь в июле 1989 г. Валентин Фалин, начальник Отдела Международных Отношений ЦК КПСС, заявил, что „не подлежит сомнению существование тайного дополнительного протокола”, „Głos Robotniczy” 1989, nr 171, с. 3.

³ А. С. Якушевский, *Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы*, „Вопросы истории КПСС” 1988, No 8, с. 88–90; *Prasa estońska o tajnym protokole do paktu Ribbentrop-Molotow*, „Ład” 1988, nr 40, с. 14; *Вторая мировая война: истоки и выводы*, „Правда” 1989, No 223, с. 5; *События 1939 года – взгляд с полувекковой дистанции*, „Правда”, 1989, № 230, с. 1–2.

от 18.03.1921 г. Советская Россия, Украина и Польша гарантировали друг другу „полное уважение государственного суверенитета другой стороны” и отрекались от всяких прав и претензий на земли, расположенные вне установленной границы⁴. Эти постановления закреплял польско-советский договор о ненападении от 25 июля 1932 г., подписанный в совершенно другой обстановке чем та, которая сопутствовала переговорам в Риге⁵. Ещё в марте 1939 г. на XVIII Съезде ВКП(б), говоря о принципах советской внешней политики, Сталин заверял: „Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу”⁶.

В свете вышеприведённых документов, польско-советские отношения казались формально нормализованными, но на практике было иначе. Показателем их прочности оказался именно 1939 год.

Следует упомянуть, что согласно марксистскому пониманию политики, её содержание и цели имеют классовый характер и являются предметом сознательной деятельности. Советская внешняя политика основывалась на отрицательном отношении к версальскому порядку и на надежде, что будет он отменен путём революции. Стратегической целью этой политики было развитие революции в других странах.

После агрессии Германии на Польшу руководство Коммунистического Интернационала, в котором решающий голос принадлежал делегации ВКП(б), ошибочно определило, что война „с обеих сражающихся сторон является империалистической, несправедливой войной”⁷. Лишь с недавнего времени советские историки признают, что „для Польши эта война с самого начала имела оборонительный характер и была справедливой войной”⁸.

Ввиду отсутствия активных действий со стороны западных союзников Польши, 17.09.1939 г. Красная Армия перешла польско-советскую границу и за относительно короткое время заняла восточную территорию II Речи Посполитой. Этот неожиданный для общественного мнения

⁴ П. Н. Ольшанский, *Рижский мир*, Москва 1969, с. 213–214.

⁵ A. Skrzypek, *Stosunki polsko-radzieckie 1933–1939*, [w:] *Z historii stosunków polsko-radzieckich*, Warszawa 1987, с. 131–145. В этом договоре стороны обязались, между прочим, „не принимать участия ни в каких соглашениях, являющихся бесспорно враждебными по отношению к другой стороне”, *Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917–1945. Dokumenty i materiały*, Warszawa 1967, с. 237–239. 5.05.1934 г. договор был пролонгирован по 31.12.1945 г., там же, с. 272–274.

⁶ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21.03.1939 г. Стенографический отчёт, Москва 1939, с. 15.

⁷ J. Dimitrow, *Wojna a klasa robotnicza krajów kapitalistycznych*, Moskwa 1939, с. 7; См. также: *Комитетни: против фашизма и войны*, „Правда” 1989, № 181, с. 3.

⁸ G. Smirnow, *Lekcje historii*, „Nowe Czasy” 1987, nr 35, с. 20.

шаг правительство В. М. Молотова пыталось обосновать в ноте, направленной польскому послу В. Гжибовскому. Заявлялось в ней, между прочим, что Польша потеряла уже все промышленные округа и культурные центры, что Варшава, как столица страны, уже не существует, что польское правительство подвергнулось разложению, а польское государство прекратило своё существование. Итак, односторонне призналось, что существовавшие до сих пор польско-советские договоры утратили свою силу. В такой обстановке Красная Армия получила приказ защитить население Западной Украины и Западной Белоруссии⁹. Эти, противные нормам международного права и ложные тезисы В. М. Молотов повторил 17.09.1939 г. в своём выступлении по радио к советским гражданам¹⁰.

Занятие территории Польши не перечёркивало ведь факта существования государства как субъекта международного права, признаваемого другими странами. Формально Советский Союз не объявил войны Польше и не вёл её, так как формулировки, употреблённые в ноте от 17.09.1939 г. обуславливали невозможность ведения войны с несуществующим государством. Польша, со своей стороны, также не объявила войны Советскому Союзу, но польское правительство, которое сформировалось в эмиграции, считало что обе страны находятся в состоянии войны друг с другом¹¹.

В третьей декаде сентября 1939 г. появилась необходимость повторного размежевания зон влияния на территории польского государства, так как советские войска не дошли до линии Нарев-Висла-Сан, установленной в тайном протоколе к договору от 23.08.1939 г. Изменения отразились в подписанном 28.09.1939 г. советско-германском договоре о дружбе и границе. В тот же день капитулировала Варшава. Новой границей „взаимных государственных интересов” стала линия рек Нарев-Буг-Сан. Обе стороны единодушно признали её окончательной, предупреждая, что любое вмешательство посторонних держав в связи с этим решением встретит решительный отпор¹². Таким образом, перечёркивалось право польского государства на существование.

Оба упомянутых советско-германских договора оцениваются как серьёзное нарушение международных правовых норм. Они коренным образом нарушили ленинские принципы и нанесли удар международному рабочему движению¹³.

⁹ *Sprawa polska na arenie międzynarodowej w czasie drugiej wojny światowej. Zbiór dokumentów*, Warszawa 1965, с. 83–84.

¹⁰ „Правда” 1939, № 259, с. 1.

¹¹ *Sprawa polska...*, с. 162.

¹² „Правда” 1939, № 270, с. 1; „Ведомости Верховного Совета СССР” 1940, № 10, с. 2.

¹³ „Трибуна Луду” 1989, nr 121, с. 5.

Что касается договора от 28.09.1939 г., то советские авторы считают сегодня, что „правильным было решение проводить размежевание с гитлеровцами по линии этнического раздела между районами с большинством собственно польского населения и районами проживания белорусов и украинцев. Однако квалифицировать такое размежевание как „границу” было [...] неправомерным [...]. Это [...] была грубая политическая ошибка усугублённая обещанием развития „друзы”¹⁴. Однако, и в этом комментарии нет замечаний о юридической основе изменения границ Польши (да и то без участия её представителей), а также и о том, что оспаривалось её право на дальнейшее существование вообще.

Продолжением антипольского курса советских властей являлась речь В. М. Молотова, произнесённая 31.10.1939 г. на чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР. Трагедию, которая в сентябре 1939 г. выпала на долю польского народа и государства, отметил он с чувством удовлетворения, говоря: „Однако, оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счёт угнетения непольских национальностей”. Кроме того, он заверил тогда депутатов в том, что „о восстановлении старой Польши [...] не может быть и речи”¹⁵. Отношение совместной Комиссии партийных историков ПНР и СССР к этому высказыванию – сегодня однозначно. Заявление Молотова признаёт она „противным международному праву и оскорбительным по отношению к Польше. Нынешнее советское руководство и научная среда СССР решительно дистансируются от него”¹⁶.

После присоединения восточных районов Польши к Советскому Союзу (Вильнюс и вильнюсский округ были переданы Литве) Президиум Верховного Совета СССР 29.11.1939 г. признал их жителям советское гражданство, так как пришёл к выводу, что они не могут быть гражданами не существующего государства. На практике оказалось, что в новом положении они стали гражданами второй категории. Однако, им разрешили организовать польскую жизнь в западных областях СССР. Лица, которых советские органы безопасности признали ненадёжными, „врагами народа”, были репрессированы, арестованы, сосланы. Одновременно велась пропагандистская кампания, беспримерно дискредитирующая довоенную Польшу – её внутреннюю и внешнюю

¹⁴ Ф. Ковалёв, О. Ржешевский, указ. соч., с. 4.

¹⁵ В. Молотов, *О внешней политике Советского Союза*, „Интернациональная литература” 1939, № 7–8, с. 1–2.

¹⁶ „Trybuna Ludu” 1989, nr 121, с. 5.

политику¹⁷. Вплоть до момента гитлеровской агрессии на Советский Союз, в советской прессе и издательствах сознательно не помещались сведения о создании и деятельности польского эмиграционного правительства.

От тезиса о несуществовании польского государства советская сторона официально отказалась лишь 30.07.1941 г., подписывая в Лондоне договор с правительством ген. Владыслава Сикорского. Это было очень важное событие в истории польско-советских отношений. Советские власти признали тогда, что договоры с Германией от 1939 г., касающиеся территориальных изменений в Польше, утратили свою силу. Восстановились дипломатические отношения между обоими правительствами, а также декретирована была взаимопомощь в войне против Германии. На территории СССР должна была сформироваться Польская Армия¹⁸.

Этот перелом нужен был обоим правительствам. Однако, он мог совершиться лишь только после поражения Франции и после нарушения Германией пакта Риббентроп-Молотов. Для Советского Союза стало необходимостью найти союзников для создания антигитлеровской коалиции, а польские земли могли сыграть очень существенную роль в борьбе против Германии. Для ген. Сикорского, который после поражения Франции практически потерял свою армию, единственной в Европе базой для набора было польское население в СССР. Существенным мотивом, который склонял его к урегулированию отношений с советским правительством, была также забота о дальнейшей судьбе сотен тысяч польских граждан, находившихся в очень трудном материально-бытовом положении на крайнем севере и востоке Советского Союза.

Во время подготовки договора наиболее спорным был вопрос польско-советской границы. Отсутствие согласия по этому вопросу стало причиной того, что в тексте договора нет записи на эту тему. Однако аннулирование советской стороной договоров с Германией от 1939 г. обозначало – относительно границы – формальный возврат к правовому положению, определённого в рижском договоре от 1921 г. Одновременно, не была однако сделана при этом декларация, является ли актуальным решение о присоединении в 1939 г. польских восточных районов к Советскому Союзу и Литве. Эти сознательные недомолвки стали затем очагом нарастающего дипломатического конфликта между правительствами Польши и СССР. Между тем, после принятия

¹⁷ См. также, между прочим: J. Goldszajn, *Jak polscy panowie gnębili chłopów*, Kijów–Lwów 1940; N. Bałtyjski, *Polska – nasz sąsiad*, Moskwa 1944.

¹⁸ „Ведомости Верховного Совета СССР” 1941, № 35, с. 1.

12.08.1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР декрета об амнистии для польских граждан, стал возможным набор в Польскую Армию в СССР. Подробности, связанные с её формированием, регулировались военным договором от 14.08.1941 г.¹⁹ Эта армия должна была бороться против Германии вместе с советскими войсками и войсками других союзников.

Отложение дискуссий, связанных со щекотливыми для польско-советских отношений вопросами, оказалось кратковременным. Формирование войска и осуществление опеки над польским населением в СССР публично обнаружили, что проблема гражданства жителей восточных районов Речи Посполитой, совершенно по-разному понималась обеими сторонами. Советские власти были готовы признать польскими гражданами лишь только лиц польской национальности²⁰.

С 28 ноября по 16 декабря 1941 г. в Советском Союзе побывал польский премьер-министр ген. В. Сикорски. Уже один тот факт, что он приехал в Москву в то время как у её ворот продолжалась борьба против гитлеровских войск, имел глубокое моральное и политическое значение. Переговоры в Кремле касались дальнейшего формирования и перемещения Польской Армии, реализации амнистии, судьбы польских военнопленных от 1939 г. и организации опеки над гражданским населением. Сикорски уклонился от дискуссии о польско-советской границе, признавая, что этот вопрос был окончательно решён в рижском договоре от 1921 г. Увенчанием визита было подписание 4.12.1941 г. польско-советской декларации о совместной борьбе против гитлеризма и о взаимопомощи во время войны. Эта декларация несла также обещание добрососедского сотрудничества и дружбы в мирное время²¹. На переломе 1941 и 1942 годов советское правительство предоставило польской стороне ссуду на помощь для польских граждан в СССР и на формирование армии. Трудности со снабжением, на которые наталкивалось формирование польских частей, стали причиной того, что в начале 1942 г. советское правительство ограничило поставку продовольствия для них и согласилось на эвакуацию части солдат и их семей в Иран (окончательно уехало свыше 43 тысяч людей).

Несмотря на возражения премьера Сикорского, командующий армией, ген. В. Андерс, стремился к эвакуации также и остальной части войска. Стремление Андерса совпало с ухудшением отношений и появлением конфликтов между местными представительствами польского посольства в СССР и советскими властями, которые обвиняли польский персонал

¹⁹ *Sprawa polska...*, с. 230–232.

²⁰ S. Zabiełto, *O rząd i granice*, Warszawa 1986, с. 63–84.

²¹ *Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917–1945*, с. 317–318.

в антисоветской деятельности и шпионаже. Вследствие этого – согласно решению советской стороны – в июле 1942 г. дошло до прекращения деятельности представительств посольства и задержания многих их работников²².

В атмосфере обострения польско-советских отношений армия ген. Андерса, в которой живы были антисоветские настроения, представляла собой разрушительную и невыгодную для советских властей силу. По той, между прочим, причине, относительно быстро была согласована её окончательная эвакуация в Иран, произведённая в августе 1942 г. (свыше 70 тысяч солдат и гражданского населения). Небольшая группа офицеров во главе с полковником Зигмунтом Берлингом отказалась уехать.

В драматической для Страны Советов ситуации, когда германские силы всё напирала на Сталинград, выезд польских солдат с территории СССР многими оценивался как дезертирство. Правда, ген. Андерс не верил в возможность действительно противопоставиться гитлеровскому нашествию Краской Армией. Можно, однако, спросить и о том, была ли антисоветски настроенная армия надёжной для советских властей, было ли обоснованным задерживание ими её на территории Советского Союза?

Между тем, несмотря на поддержание официальных отношений с польским правительством, советская сторона предоставляла польским коммунистам в СССР возможность активизироваться, что должно было, вероятно, являться своего рода предостережением для этого правительства. Конкуренцией для политического воздействия польского посольства в СССР стала редакция возобновленного в Куйбышеве в мае 1942 г. журнала польских коммунистов „Новые виднокренги” (Новые горизонты). Участие лидеров этого центра (между прочим Ванды Василевской и Альфреда Лямпэ) в польских проблемах в СССР расло одновременно с нарастанием напряжения в советско-польских отношениях. Много лет спустя В. Василевская говорила: „В разговорах со мной упоминалось, что раньше или позже дойдёт до разрыва отношений и надо будет что-то сделать с теми людьми, которые останутся”²³.

Суть спора публично обнаружилась лишь в начале 1943 г. Ибо именно тогда дошло до очередного обмена резкими нотами и заявлениями агентств по поводу государственной принадлежности польских территорий, занятых в 1939 г. Красной Армией и гражданства их жителей. Полемики и декларации не принесли изменения прежних

²² *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*, t. 7, Warszawa 1973, с. 339–342, 347–348, 352, 356–358, 360–362, 365–371.

²³ *Wspomnienia Wandy Wasilewskiej (1939–1944)*, [w:] *Archiwum Ruchu Robotniczego*, t. 7, Warszawa 1982, с. 381.

позиций обеих сторон, что неизбежно вело к кризису в отношениях между обоими правительствами²⁴. Предлогом к разрыву советскими властями дипломатических отношений с правительством Сикорского послужил катынский вопрос.

Сообщение по немецкому радио об обнаружении в Катыни могил убитых польских офицеров и обвинение советских властей в совершении этого преступления вызвало немедленную реакцию правительства Сикорского. Он обратился к Международному Красному Кресту с просьбой провести следствие по этому делу. В Москве признали это враждебным, антисоветским выступлением и 25.04.1943 г. разорвали отношения с польским правительством²⁵.

Наблюдая нарастание кризиса и неуступчивую позицию обеих сторон, следует отметить, что разрыв не являлся неожиданностью. Такого финала можно было ожидать. Однако, остаётся ещё вопрос катынского преступления. Согласно действующей по сегодняшний день официальной советской версии, оно было делом рук немцев. Польские исследователи считают, однако, что виновником этого преступления был Народный комиссариат внутренних дел. Убитые в Катыни (там было найдено свыше 4 тыс. тел) офицеры из лагеря в Козельске не были единственной группой военнопленных, освобождения которых многократно требовали представители польских властей. Но о том, что случилось с офицерами, помещёнными в лагерях в Старобельске и Осташкове (в общем около 10 тысяч людей) мы узнали только недавно.

После разрыва советско-польских отношений представителем польских граждан в СССР стал, создавшийся в 1943 г. по инициативе коммунистов Союз польских патриотов. Прежде чем он был официально организован, советские власти подтвердили волю сотрудничества с польским демократическим лагерем.

Следует также отметить, что 4.05.1943 г., в ответ на вопросы западного корреспондента Паркэра, Сталин заверил его, что советское правительство „безусловно желает себе видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии”. Одновременно он заявил, что послевоенные советско-польские отношения должны базироваться „на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения”²⁶.

Между тем, в результате усилий полк. З. Берлинга и В. Василевской началось в СССР формирование польской дивизии а затем армии, которая вместе с Красной Армией прошла боевой путь до самого

²⁴ *Dokumenty i materiały...*, t. 7, s. 358, 394–395; „Известия” 1943, № 50, с. 4; № 92, с. 1.

²⁵ *Dokumenty i materiały...*, t. 7, s. 397; „Известия” 1943, № 98, с. 1; „Правда” 1943, № 102, с. 1; № 109, с. 1.

²⁶ „Ведомости Верховного Совета СССР” 1943, № 18, с. 1.

Берлина. Союз польских патриотов, который покровительствовал этой армии, заявлял о своём желании „добиться того, чтоб в отношениях между Польшей и СССР преобладали дружба и боевое сотрудничество во время войны, а также теснейшее взаимодействие и прочный союз после войны”²⁷. Относительно восточной границы Польши СПП уверял: „мы не требуем для себя ни пяди украинской, белорусской или литовской земель”²⁸. Те же самые мысли, относительно польско-советских отношений содержались в программных документах Польской рабочей партии, создавшейся в Варшаве, в начале 1942 г. по инициативе польских коммунистов, прибывших из Советского Союза.

Победные наступления Красной Армии в 1943 г. предрешили то, что освобождение пришло в Польшу с востока. Её боевой путь отмечен на польской земле могилами свыше 600 тысяч погибших советских солдат.

Переход советскими войсками довоенной советско-польской границы наступил 3.01.1944 г. В связи с этим, польское правительство дало заявление, в котором напомнило, между прочим о своих правах на освобождаемые земли Речи Посполитой²⁹. В ответ на это заявление, советское правительство подтвердило своё прежнее мнение насчёт будущих отношений с Польшей, выраженное, между прочим, в высказывании Сталина от 4.05.1943 г. Заявил он при этом, что „Польша должна возродиться не путём захвата украинских и белорусских земель, а путём возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель”. Он предлагал, чтобы советско-польская граница проходила вдоль линии Керзона³⁰.

Эти предложения не нашли согласия польского правительства, были же приняты (от имени польского народа) подпольным парламентом, сформированным левыми партиями – Крайовой Радой Народовой³¹.

Приближение момента освобождения этнически польских земель поставило на повестку дня вопрос о власти на этой территории. Претендентами, которые могли бы прийти к власти, были: эмиграционное правительство и левые силы представляемые КРН и СПП. Для советского правительства являлось важным, чтобы освобождённая Польша поддерживала дружественные отношения с СССР, чего не гарантировало тогдашнее польское правительство. В такой ситуации, состоялись в Москве переговоры, в которых

²⁷ *Deklaracja ideowa Związku Patriotów Polskich*, Lublin 1983, с. 52.

²⁸ Там же, с. 54.

²⁹ *Dokumenty i materiały...*, t. 8, Warszawa 1974, с. 6–7.

³⁰ „Известия” 1944, № 9, с. 1.

³¹ *Sprawa polska...*, с. 464.

принимали участие представители польских левых группировок, действовавших в стране и в СССР, а также советское руководство. В их итоге, 21.07.1944 г. был создан Польский комитет национального освобождения, как первое в истории правительство, которое должно было представлять интересы польских рабочих и крестьян. В программном манифесте оно заявляло, в частности, о прочном союзе и соседском взаимодействии с Советским Союзом, а также о проведении демаркации восточной границы на основе этнических критериев³².

Эти заявления нашли своё отражение в первых договорах ПКНО с советским правительством. Уже 26.07.1944 г. было подписано в Москве соглашение, которое нормировало отношения между советским командованием и польской администрацией в освобождаемых районах³³. На следующий день Эдвард Осубка-Моравски и В. М. Молотов поставили свои подписи на договоре о границе³⁴. Основой для определения её восточного отрезка они признали линию Керзона.

Эти соглашения документировали принципиальный поворот, который совершился тогда в польско-советских отношениях, а также создали основу для заключения 21.04.1945 г. Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между обеими странами³⁵. Его постановления не ограничивались лишь политической и военной сферами, так как стороны пришли также к соглашению насчёт экономического и культурного сотрудничества, что имело большое значение для разрушенной войной и оккупацией Польши. Время показало, что заключённый тогда польско-советский союз не устранил нараставших на протяжении веков взаимных предубеждений и обид. К историческим происшествиям добавлялись новые: репрессивная политика советских органов безопасности по отношению к офицерам и солдатам Армии Крайовой, отношение Советского Союза к Варшавскому восстанию, депортации польского населения в глубь Страны Советов в годы 1944–1945 и селективная репатриация польских граждан из СССР – которые омрачили польско-советские отношения.

Реально подходя к делу следует отметить, что тогда не являлось возможным их фактическое основание на равенстве обеих сторон. Сегодня же, в условиях перестройки и гласности, основываясь на вытекающие из истории выводы, имеются шансы, чтобы поднять наши отношения на более высокий, качественно новый уровень. Эту возможность следует использовать для блага обоих наших народов.

³² *Manifest PKWN*, Warszawa 1974, с. 17.

³³ *Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917–1945*, с. 392–394.

³⁴ Там же, с. 399–400.

³⁵ „Известия” 1945, № 95, с. 1.

*Albin Głowacki***MEANDRY STOSUNKÓW POLSKO-RADZIECKICH
W LATACH II WOJNY ŚWIATOWEJ**

Rozwój stosunków polsko-radzieckich określały przede wszystkim działania dyplomatyczne i wojskowe Związku Radzieckiego. Brzemienne w skutkach okazał się pakt Ribbentrop-Mołotow, stanowiący zaprzeczenie oficjalnych zasad polityki zagranicznej ZSRR, gwałcący układy z Polską, niezgodny z prawem międzynarodowym. Władze radzieckie prowadziły antypolską politykę zarówno na arenie międzynarodowej, jak i w stosunku do obywateli polskich na zajętych kresach Rzeczypospolitej. Przełom, jaki w stosunkach polsko-radzieckich dokonał się w 1941 r., był potrzebny obu stronom. Tworzona w ZSRR Armia Polska stanowiła dla władz radzieckich niewygodną i niewiarygodną siłę. Konkurencją dla politycznego oddziaływania ambasady polskiej w ZSRR stała się od 1942 r. grupa komunistów polskich skupionych wokół „Nowych Widnokręgów”. Polemiki i oświadczenia, wymieniane na przełomie lat 1942/1943 między rządami Polski i ZSRR na temat przynależności państwowej obszarów zajętych po 17.09.1939 r. nieuchronnie prowadziły do kryzysu. Pretekstu do zerwania dostarczyła stronie radzieckiej sprawa katyńska. Okres ten zadecydował ostatecznie o tym, że rząd ZSRR postawił w sprawie polskiej na komunistów skupionych w Związku Patriotów Polskich i w PPR. Oni też objęli władzę w powojennej Polsce w rezultacie porozumienia ze Stalinem w lecie 1944 r. Zasadniczy zwrot w stosunkach polsko-radzieckich znalazł formalny wyraz w układzie z 21.04.1945 r. Sojusz ten nie usunął jednak historycznych zaszczości, do których dochodziły nowe urazy. Realnie patrząc, nie było możliwe, aby wówczas stosunki polsko-radzieckie opierały się na zasadzie równości i suwerenności.